

Мне было и страшно, и обидно, а в глубине души всё никак не затихала нестихающая паника. Я смотрел на Цзи Минчэня с жалкой, беспомощной надеждой.

Неужели он уйдет? Конечно уйдёт. Старый император на севере поступил с ним так жестоко — Минчэнь просто обязан вернуться и отомстить. Всё к тому и идёт. Это ведь так естественно.

Но... а как же я? Что со мной станет? Я ведь люблю его так сильно, будто вся моя душа, все три высшие сущности и семь низших духов намертво сплелись с его судьбой. Если он уедет, я превращусь в бессмысленного дурачка, потерявшего разум. Если каждое утро он не будет пробуждать меня, весь день пройдёт как в беспросветном тумане.

Он ведь даже ещё не научил меня тому самому... И я толком его не нацеловался.

Но разве имею я право удерживать его? Нет у меня таких причин. Он отправляется ради великого дела, ради мести — и я должен поддержать его безоговорочно.

Бешено стучащее сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я вцепился в руку Цзи Минчэня, словно утопающий за последнюю соломинку, и, затаив дыхание, напряжённо ждал ответа. Но мне ответила лишь тишина.

Снова раздался торопливый, горячий голос Юйфэна:

— Хозяин, в чём вы ещё сомневаетесь? Стоит лишь вывести яд, полностью вернуть боевые силы, да прибавить меня — разве есть в этом мире место, куда мы не сможем пройти? Кто способен вас остановить?

— Как только ступим на земли Северного Инь, я соберу отряд тайной стражи. Вы предъявите тигриный талисман, тайком примете командование над тремя армиями и поднимете знамя очищения государева двора от изменников, а наложницу Ли казните прямо на месте! Даже если случится помеха, я лично проникну во дворец и заколю её. Тогда уж старому императору придётся уступить! И великая месть свершится, и великое дело увенчается успехом!

Он говорил чертовски правильно. По крайней мере, моему глупому разуму казалось, что эта поездка Цзи Минчэня неизбежна и принесёт лишь одну пользу.

Сердце моё с размаху рухнуло вниз, разбившись о землю, а затем его будто сжала жестокая, кованая рука, принявшись беспощадно сминать. От этой боли я дрожал всем телом. Я просто сидел в оцепенении, а слёзы безудержно текли по щекам.

Меня поглотила беспросветная тьма. Я ничего не видел, ничего не слышал. Смутно казалось, будто кто-то привлекает меня к себе, бережно утирает слезы... Но во тьме я ничего не мог разобрать.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем зрение вернулось. Красные свечи на столе давно сгорели, остался лишь одинокий фитилёк, упорно тлевший в остывшем масле.

А за окном всё так же кружил снег.

— Ну полно, не плачь, — раздался над самым ухом тихий, бархатный голос.

Я медленно моргнул. Юйфэн уже исчез. Опершись о край кровати, я попытался подняться, намереваясь выйти, но чья-то рука удержала меня.

— Ты куда? — спросил Цзи Минчэнь.

Я не смел посмотреть ему в глаза и, отводя взгляд, едва слышно пролепетал:

— Я... пойду соберу твои вещи... Когда ты... уезжаешь?

Последнее слово далось с таким трудом, словно забрало все оставшиеся силы. Стоило ему сорваться с губ, как в груди образовалась зияющая пустота. Замерев, я слабо оперелся о резной столбик кровати, всё так же не решаясь поднять взор.

В то же мгновение сильные руки подхватили меня за талию и усадили к себе на колени. Его теплое, знакомое дыхание коснулось моего лица.

Я сжал пальцами шёлк рукавов.

— А И, взгляни на меня.

Ладонь бережно коснулась моего затылка, и мне пришлось посмотреть ему в глаза.

В его темных, глубоких зрачках я увидел собственное отражение — жалкое, беспомощное и несчастное.

— С чего ты взял, что я собираюсь уезжать? — тихо спросил он.

Я замлел, не в силах постичь смысл этих слов.

— Если тебе тревожно, почему не скажешь мне? — продолжил Цзи Минчэнь. — Зачем таить всё в себе и мучиться?

Я глупо смотрел на него.

Он вздохнул:

— Скажи мне хоть слово, а?

До меня наконец дошёл смысл сказанного, и глаза мои расширились от изумления.

Он... не собирается возвращаться на север? Но ведь Юйфэн так убедительно доказывал, что эта поездка сулит ему великое будущее!

Цзи Минчэнь заговорил вновь — мягко, терпеливо, слово за словом разъясняя:

— На севере всё ещё слишком неопределённо. Старому императору остался год жизни, и пока он дышит, положение может измениться десяток раз. Без крайней нужды я туда не вернусь.

Он на миг умолк, ласково заглянул мне в глаза и добавил:

— К тому же... даже если когда-нибудь мне придётся отправиться туда, я сначала устрою тебя в безопасном месте. Так что не тревожься, ладно?

— Я поеду с тобой, — выдохнул я.

Он улыбнулся:

— Хорошо.

Нервная струна, натянутая до предела в течение всей этой длинной ночи, наконец отпустила. Обессиленный, я уткнулся лбом в его плечо и слабо зевнул:

— Спать хочу...

Он бережно раздел меня и переодел в мягкое нижнее платье. Уплывая в сон, я ощутил, как тёплое прикосновение его губ легло мне на лоб.

Старый придворный лекарь приходил через день — ставил иглы и готовил целебную ванну.

Цзи Минчэнь по-прежнему запрещал мне присутствовать при иглоукалывании. Должно быть, не хотел, чтобы я видел, как он преодолагает боль. Каждую такую процедуру я сгорал от беспокойства за дверь, а едва лекарь уходил, влетал в комнату. Видя его бледное, покрытое

холодным потом лицо, я готов был разрыдаться от жалости. Но Минчэнь всякий раз улыбался, и мне приходилось прятать слёзы и улыбаться в ответ.

После того случая с носовым кровотечением он закрыл для меня доступ и к целебным ваннам. Когда он, выкупавшись и накинув халат, опускался рядом со мной, от него веяло влажным, пряным ароматом трав. Этот запах неудержимо заманивал меня, заставляя сердце сладко сжиматься.

Он пах так густо, так сладостно... что мне безумно хотелось прикусить его за плечо.

— Не хочу есть обед. Хочу съесть тебя, — неожиданно выпалил я, откладывая палочки.

Слуги в горнице мгновенно замерли.

Палочки Цзи Минчэня с зажатым кусочком мяса на миг зависли в воздухе, после чего он спокойно опустил угощение в мою пиалу:

— Ешь.

— Обед не такой вкусный, не такой душистый и вовсе не сладкий, — упрямо пробормотал я. — Я хочу съесть тебя.

Мне хотелось покусать его, полелеять губами, а лучше всего — целовать без конца.

Ежедневных поцелуев мне уже не хватало; желания росли, требуя большего. Мне хотелось прикоснуться губами к его стройным бёдрам, крепким рукам, сильной груди...

Цзи Минчэнь подложил мне ещё ломтик и вздохнул:

— Ешь давай.

Сяфэн, запинаясь, пробормотал:

— Ваше Высочество... о подобном... не гоже за трапезой толковать!

Дунцзы тоже залился краской:

— О таких вещах при людях не говорят.

Я только хлопал глазами. Что ещё за «такие вещи»?

Дело ведь чистое, возвышенное — отчего они смущаются, точно я произнёс нечто срамное?

Я повернулся к Цзи Минчэню, собираясь расспросить его, но он тут же отправил мне в рот лакомый кусочек горохового лакомства — мягкого и сладкого.

Проглотив угощение, я облизнулся, а Цзи Минчэнь уже поднёс следующую сладость, а за ней и третью. Стоило мне разжать губы, как очередное лакомство заглушало любые расспросы.

В конце концов, насытившись, я поглаживал живот и мысленно хлопал глазами, совершенно позабыв, о чём хотел спросить.

После обеда слуги удалились, затворив за собой двери.

В тот же миг с потолочной балки головой вниз свесился человек. Густые брови его были сдвинуты к переносице, а на лице читалось глубокое возмущение:

— «Съесть тебя»... Ну вы даёте! Сплошное бесстыдство и бесстыдные речи!

От неожиданности я подскочил и мгновенно спрятался за Цзи Минчэня, обхватив его за талию и настороженно уставившись на непрошеного гостя.

Юйфэн едва ощутимо оттолкнулся от балки и бесшумно прыгнул на пол.

С той самой ночи Юйфэн неотступно следовал за нами, прячась в тенях. И хотя он возникал из ниоткуда уже сотню раз, я всякий раз вздрагивал от неожиданности.

Цзи Минчэнь слегка погладил мою ладонь и негромко заметил:

— Юйфэн, ты уже взрослый муж. Будь степеннее.

Тот с досадой возразил:

— Хозяин, я уже полмесяца палец о палец не ударил, тихо сижу! Откуда мне знать, что Сяованъе такой пугливый?

Я нехотя вылез из-за спины Цзи Минчэня. Сказать по правде, Юйфэна я не так уж и боялся — просто руки сами сработали, тело среагировало быстрее мысли.

— Вовсе это не бесстыдные речи, — буркнул я.

Юйфэн аж вспыхнул:

— Да как же не бесстыдные?! Среди белого дня, под чистым небом, при слугах вы даёте волю таким нескромным желаниям! И вы ещё запираетесь?!

Я почесал затылок. Юйфэн сыпал такими пышными и мудрёными словечками, что в голове у меня всё перепуталось.

Цзи Минчэнь тем временем ровно произнёс:

— Юйфэн, сходи-ка на северный склон, проведай обстановку.

Тот изумлённо моргнул:

— Хозяин, а что там искать?

— Раз велено — иди.

Юйфэн растворился в воздухе мгновенно, точно и не бывало.

Я повернулся к Цзи Минчэню, собиравшемуся было объяснить, отчего Юйфэн обозвал мои слова бесстыдными, но Минчэнь опередил меня:

— Будешь виноград?

Представив, как его тонкие, изящные пальцы умело счищают тонкую кожицу со спелых ягод, я облизнулся и без колебаний отозвался:

— Буду!

Он потянулся к вазе.

— А почему Юйфэн... — начал было я.

Сочная, сладкая ягода тут же оказалась у меня во рту. Я зажмурился от удовольствия, а затем уставился на то, как ловко двигаются его руки.

За первой ягодой последовала вторая, за ней третья...

И вопрос мой вновь растаял без следа.

Месяц спустя яд окончательно покинул тело Цзи Минчэня.

Прежде, источенный отравой, он угасал с каждым днём, пребывая в угрюмом унынии. Но здесь, на горе Духов, по мере того как отравляющая дрянь выходила из крови, к нему возвращалась улыбка. А когда яд и вовсе испарился, спали и невидимые оковы.

Передо мной вновь предстал невероятный, ослепительный небожитель.

Он сиял так ярко, что весь мир вокруг казался поблекшим и невыразительным.

Каждое утро, едва первые лучи солнца касались деревянного створчатого окна, он пробуждал меня нежным поцелуем. Душа возвращалась в тело, и день начинался с чистой, сладкой радости.

Затем Минчэнь отправлялся во двор упражняться с мечом.

Юйфэн разыскал и принёс его прежнее оружие — тяжёлый клинок весом более семидесяти цзиней. Этот меч рассекал железо как мягкую глину, но Цзи Минчэнь поднимал его шутя, словно пушинку.

По вечерам он брал меня к себе на руки, мы взбирались на крышу и лежали вдвоём, подставив лица ночи, считали звёзды и слушали, как тихий снег падает на черепицу.

В тот день Минчэнь слишком долго не возвращался с тренировки. Опасаясь, не разболелся ли он вновь, я уже собрался пойти на поиски, когда у стола бесшумно возник знакомый силуэт.

Я уже не бросался наутёк, но сердце всё равно ёкало.

Юйфэн нисколько не смущаясь уселся за стол и налил себе чаю.

— Почему ты не с ним? — спросил я.

Цзи Минчэнь рассказывал мне, что Юйфэн — тайный стражник, чьё ремесло — охранять господина от любых опасностей. Он обладает высочайшим мастерством и обязан неотступно следовать за хозяином день и ночь.

— Хозяин велел охранять вас, — ответил Юйфэн.

— Поди проведай его, — попросил я. — Он до сих пор не вернулся.

— Я только что оттуда, — отмахнулся Юйфэн. — Хозяин всё ещё упражняется на вершине горы.

Я с любопытством уставился на него:

— А насколько высоко твоё мастерство? Сможешь срубить одним ударом то древнее дерево на вершине? Или пробить кулаком каменную стену?

Юйфэн аж скривился:

— Я вам что, балаганный скоморох?!

Я опустил ся напротив и пододвинул к нему блюдо с лакомством:

— Угощайся.

Он фыркнул, с неохотой взял кусочек, отправляя в рот... и вдруг широко раскрыл глаза:

— Экая сласть!

— Ещё бы, — с гордостью кивнул я.

Сие лакомство выпекали по особому рецепту полсотни имперских поваров. В замес добавляли тёртый каштан и сушёные цветы османтуса, отчего сладость получалась нежной, духовитой и ничуть не приторной.

Уничтожив всю тарелку за пару мгновений, Юйфэн вдруг уставился на меня с подозрением:

— Не бывает даровой доброты! Ежели кто-то ластится без причины, значит, замышляет недоброе. Чего вам надобно?

Я аж обомлел. До чего глазлив! Я и слова вымолвить не успел, а он уже разгадал мои тайные мысли.

Юйфэн хитро ухмыльнулся:

— Сяо-ванъе, неужто хотите выведать о хозяине?

Я лишь рот разинул, глядя на него.

Юйфэн был единственным человеком из прежней жизни Цзи Минчэня, кого мне довелось встретить. Разумеется, я жаждал узнать о Минчэне как можно больше!

И надо же — он угадал с первого раза.

— Ну, о чём вы спросить желали? — упёршись подбородком в кулак, снисходительно поинтересовался стражник.

Я задумался, чувствуя, как щёки наливаются жаром, и наконец едва слышно выдавил:

— А он... ну... раньше ему кто-нибудь... нравился?

Юйфэн задумчиво почесал подбородок, а затем уверенно кивнул:

— Было дело.

В груди у меня будто всё оборвалось. Прикусив губу, я уставился на него, не в силах поверить:

— Правда... правда нравился?

— Само собой! — без тени сомнения выпалил стражник.

В глазах защипало. Чтобы скрыть подступившие слёзы, я опустил голову и тихо спросил:

— И кто же... кто это был?

<http://bllate.org/book/20619/2149328>